

© А.Г. ИВАНОВ, Е.В. МИХАЛЬКОВА, А.С. ШКОЛЕНКО
 decartus@rambler.ru, lin-sen@rambler.ru, oliveolive@gmail.com

УДК 167

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЙ «ИДЕЯ»,
 «ЦЕННОСТЬ», «НОРМА» В КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРС-АНАЛИЗЕ**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена методологическим вопросам критического дискурс-анализа, а именно, терминологическому обоснованию понятий, относящихся одновременно к социальной, психологической и лингвистической реальности. Современная методология науки решает эти вопросы, выходя в междисциплинарное пространство и стирая грани между разными направлениями гуманитарных исследований.

SUMMARY. The article focuses upon methodological issues of Critical Discourse Analysis, namely terminological grounding of notions, describing both linguistic and social reality. The modern methodology of science tackles these issues within an interdisciplinary field, erasing borders between different branches of the humanities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Критический дискурс-анализ, идея, ценность, норма.
KEY WORDS. Critical Discourse-Analysis, idea, value, norm.

Дискурс-анализ — одно из современных научных направлений на стыке психологии, лингвистики и социологии, объектом которого является дискурс различных социальных групп, отраженный в речи индивидов. Но что же является предметом дискурс-анализа? Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен в книге «Дискурс-анализ. Теория и метод» предлагают свой ответ на данный вопрос. По их мнению предмет дискурс-анализа так или иначе зависит от подхода, в рамках которого мы рассматриваем дискурс. Например, это могут быть «общие паттерны» [1; 47] в речевом поведении индивидов, дискурсивные практики людей, устная и письменная речь, которая отражает перемены в различных дискурсах и т.д.

В работе, упомянутой выше, Филлипс и Йоргенсен дают описание популярной концепции дискурс-анализа — критического дискурс-анализа (КДА). В рамках данной концепции Норман Фэркло в 1992 г. предложил следующую трехчастную модель анализа:

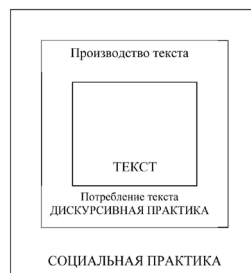

Рис. 1. Трехмерная модель Фэркло для критического дискурс-анализа [1; 121]

Представляется очевидным, что компоненты данной модели предполагают научное описание не только реальности лингвистической, но также социальной и психологической, отраженной в языке. Поэтому неслучайно, что многие ученые, работающие в области дискурс-анализа, при анализе *текстов* прибегают к терминам, описывающим *нелингвистическую* реальность, но при этом они (ученые) как бы прочитывают как текст стоящие за этими терминами *социальные и психологические феномены*. Следовательно, нельзя утверждать, что дискуртологи просто заимствуют терминологический аппарат у социологов, психологов и лингвистов, т.к. предмет их изучения лежит в междисциплинарном пространстве и описывает отражение реальности социальной и психологической в реальности лингвистической. Рассмотрим в данной статье, каким образом происходит становление терминологического аппарата дискурс-анализа в процессе освоения им социо- и психолингвистической предметности на примере следующих слов — идея, норма, ценность.

В выбранном для анализа ряду понятий идея является, пожалуй, ключевой для дискурсолога, т.к. она непосредственно связана с идеологией. Идеология — это та часть затекстовой реальности, которая, как известно, всегда представляла огромный интерес для исследователей дискурса в силу того, что, получая языковое выражение в дискурсе, идеология организует и узаконивает деятельность группы [2; 3]. Поэтому неслучайно, что множество работ посвящено вопросу о соотношении идеи и идеологии в дискурсе. Тем не менее, пионером в поиске ответа на этот вопрос стоит считать Т. ван Дейка.

Итак, идея интересна дискурсологу, в первую очередь, в связи с тем, что она формирует идеологию. В книге «Ideologies. A Multidisciplinary Approach» (1998) ван Дейк замечает, что в гуманитарных науках существует своего рода разрыв между этими понятиями: идеи изучаются в психологии, в то время как идеологии обычно становятся предметом политической науки [2; 5]. Этот разрыв сказывается на научной обоснованности понятия «идея». Ван Дейк указывает на то, что многие авторы склонны отождествлять идеологию с *системой идей* (например, в марксизме это идеи, доминирующие в данную эпоху [2; 2]). Но если идеология строится из идей как из кирпичиков, то как вписать в эту картину тот факт, что идеи рассматриваются как психологические и когнитивные единства, а идеологии — как политические и социальные? Следовательно, приходится к выводу ван Дейк, нужно выйти в междисциплинарное (или, как называет его ван Дейк, мультидисциплинарное) пространство. При этом, рассуждая о понятии «идея», ван Дейк делает акцент на социальной стороне вопроса. Так, изучая дискурс, мы имеем дело с идеями *социальными*, а не с некими психологическими единствами. Значит, и сфера их обитания не есть индивидуальное познание, а есть познание социальное (*social cognition*) [2; 6].

Кирпичиками идеологий, по мнению ван Дейка, являются не идеи в их широком бытовом или общефилософском понимании, а убеждения (*beliefs*), разделяемые членами группы. Часто ван Дейк также заменяет понятие «идея» мыслью (*thought*), если говорит о том, что пришло в голову отдельному человеку; если же мысль озвучена и разделяется несколькими членами группы, то она уже становится социальным убеждением, которое встраивается в идеологию. В результате ван Дейк предлагает при описании идеологий вообще отказаться от термина идея и использовать термин «убеждение», подразумевая вышеупомянутое социальное убеждение [2; 18].

Как было отмечено ранее, в дискурс-анализе социальная реальность часто предстает перед ученым как текст. Таким же текстом для него являются ценности социальных групп, выраженные в речи явно или имплицитно. В научных работах эти слова помещаются в контекст, говорящий о том, что дискурсолог воспринимает их как единицы текста. Например, в следующей цитате из книги Н. Фэркло "Analyzing Discourse": "It is often **represented elements** at different levels in texts; and the **institutional positions, knowledge, purposes, values** etc. of receivers" [3; 11] («Чаще это **элементы, представленные** на разных уровнях текста; и **положения в иерархии институтов, знания, цели, ценности** и т.д. получателей сообщения» — перевод авт.). Здесь Фэркло использует стандартную модель коммуникации, в которой есть текст, его уровни и элементы, получатель (*receiver*) текста, сообщения и вписывает в нее феномены реальности когнитивной и социальной (положения, знания, цели, ценности), фактически рассматривая только их репрезентации в языке.

У Фэркло ценность может быть представлена также как компонент речевого акта: "...taking on commitments to truth, obligations, necessity and values by virtue of choices in wording" [3; 12] («...принимая на себя обязательства излагать правду, долженствование, необходимость и ценности через подбор средств вербального выражения» — перевод авт.). Здесь прослеживается теория речевого акта, разработанная Дж. Остином, Дж. Серлем и др., согласно которой речевые акты можно поделить на несколько видов, одним из которых являются коммисивы (от англ. «commitment» *обязательство*) — такие речевые акты, произнося которые говорящий обязуется что-то делать либо не делать. В этом контексте ценность рассматривается как содержательный компонент обязательства, которое берет на себя автор текста: излагать, выражать, высказывать свои ценности.

В научной картине мира, конструируемой Н. Фэркло, есть место для собственной модели отношения между текстом и социальной и психологической реальностью, которая являет себя в ценностях. Фэркло находит точку пересечения в заимствованном из теории речевых актов понятии «assumption». Сложно найти точный перевод этого термина на русский язык. Традиционно его трактуют как «предположение» и сближают с пресуппозицией, т.е. общим для всех участников коммуникации основанием для диалога, которое подразумевается, но не проговаривается вслух для экономии времени и сил. Так, например, если один человек дает другому обещание, то ему не обязательно проговаривать вслух, что сказанные им слова — это вербальная гарантия того, что он имеет намерение выполнить некое действие и знает, что слушающий скорее желает, чем не желает, чтобы это действие было выполнено. Достаточно просто сказать «обещаю сделать то-то», а все остальное оставить в пресуппозиции. Но если о пресуппозиции говорят в случае отдельного речевого акта, то термин «assumption» используется более отстраненно и может подразумевать любое исходное допущение, аксиому, то, что принимается на веру.

Итак, в модели Фэркло существует три основных вида допущений (assumptions):

1. Existential assumptions: assumptions about what exists («Экзистенциальные допущения: допущения о том, что существует» — перевод авт.);

2. Propositional assumptions: assumptions about what is or can be or will be the case («Пропозициональные допущения: допущения о том, чем является или может быть или будет предмет диалога» — перевод авт.);

3. Value assumptions: assumptions about what is good or desirable («Ценностные допущения: допущения о том, что хорошо или желаемо» — перевод авт.) [3; 55].

Примером ценностного допущения у Фэркло служит английский глагол «help» *помогать*, который предполагает улучшение некоей ситуации: «help develop flexibility» *помочь развить гибкость* = улучшить физические качества, если мы говорим о системе упражнений. Ценность определяется по критерию «желаемое/нежелаемое», каковым оно представляется субъекту, и является мотивом к действию [3; 55-58]. Следовательно, ценность представлена как некое психологическое и когнитивное единство, сосредоточенное в индивидуе. Например, если вы не хотите развить гибкость, то не станете использовать данную систему упражнений. И если вы, не желая того, все же развили свою гибкость, то вы не выполнили свою первоначальную потребность — остаться негибким. Но тут вмешивается дискурс: идеология посредством языка внушает субъекту, желавшему остаться негибким, что нужно быть гибким, и навязывает ему систему упражнений для развития гибкости. Таким образом, дискурс «проталкивает» целую систему ценностей, которые подразумеваются как аксиома, т.к. их разделяет доминирующая группа лиц.

Т. ван Дейк предпочитает функциональный подход к изучению ценностей в дискурсе и их влиянию на общество в целом, а не отдельных индивидов. Он часто использует сочетание «values and norms» (*ценности и нормы*). По мнению ван Дейка, они определяют моральные устои общества («presuppose moral order» [2; 40]), в отличие от, например, “factual beliefs” (*фактических убеждений*), которые формируют знания. Мораль разделяется всей культурой, в то время как ценности и нормы могут быть принадлежностью одной группы. Например, христианские нормы и ценности, однажды разделяемые только группой лиц, на протяжении Средних веков определяли моральные устои всей западноевропейской культуры.

Ван Дейк называет нормы и ценности общественными принципами («social principles» [2; 150]), элементами и условиями идеологического контроля (“elements or conditions of ideological control” [2; 188]), моральными основаниями для оценки общественного поступка (“moral or legal grounds for the judgement of official action” [2; 257]). Нормы и ценности также участвуют в формировании отношений между группами. В то же время, согласно ван Дейку, ценности играют в обществе особую роль. Они являются групповыми ментальными конструктами социального познания (“shared mental objects of social cognition” [2; 74]) и, в отличие от убеждений отдельных групп, формируют культуру в целом. Отсюда возникают и различия между культурами: в одной культуре приоритет может отдаваться такой ценности, которая в другой является ценностью меньшего порядка, например, скромность в восточном и свобода самовыражения в западном типах культур. В то же время ван Дейк отмечает, что номенклатура ценностей для всех культур примерно одинакова. Трудно найти культуру, в которой благородство, свобода, храбрость и т.п. не являются хоть сколько-нибудь ценными.

Нормы в отличие от менее гибких и гораздо более универсальных ценностей, по ван Дейку, не просто один раз усваиваются индивидом и затем всю жизнь практикуются в первоначальном виде. Скорее, наоборот, они постоянно подвергаются изменениям, которые в первую очередь фиксируются в публичном

дискурсе (например, в дискурсе СМИ) [4; 7]. Это связано с постоянным приходом через СМИ новой информации о ситуациях, для которых нормы еще не были выработаны либо уже устарели в силу изменившихся условий.

В отличие от ван Дейка Н. Фэркло часто ставит нормы (*norms*) в один ряд с такими понятиями, как соглашения (*conventions*) и правила поведения (*codes*). Так, нормы и соглашения вербального и невербального характера участвуют в конструировании дискурса. В этом процессе за ними стоят отношения, идентичности и институты (“relations, identities and institutions” [5; 64]), т.е. объекты лингвистической реальности. Поэтому Фэркло в большей степени обращает внимание не на них, а на нормы, которые участвуют в построении коммуникации. Так, Фэркло цитирует Гидденса, который полагает, что сама структура дискурса (*constitution*) обусловлена нормами коммуникации. Фэркло рассматривает эти нормы как некие моральные устои (“norms of interaction as moral order” [3; 41]), которые могут трактоваться по-разному и поэтому требуют обсуждения.

С другой стороны, невербальная природа норм также привлекает внимание Фэркло, когда он анализирует работу М. Фуко “Discipline and Punish: the Birth of the Prison”. Каждый индивид, согласно концепции Фуко, измеряется относительно нормализующего стандарта [5; 52]. Таким образом, норма рассматривается не как предписание, а как некая шкала, на которую общество ориентируется в оценке индивидов. Эта оценочность связывает норму с понятием ценности, хотя их взаимосвязь у Фэркло в отличие от ван Дейка напрямую не обсуждается.

Подводя итог, отметим еще раз, что в критическом дискурс-анализе терминологическое обоснование понятий в междисциплинарном пространстве, где предмет изучения представляет собой разноплановую реальность, происходит не через простое заимствование значений из нескольких направлений гуманитарных исследований. Будучи относительно новой ветвью науки, критический дискурс-анализ воспринял в первую очередь *общефилософские* и *бытовые* значения слов «идея», «ценность», «норма», а также коннотации, навязанные им популярными теориями (см. выше про идеологию в марксизме). Дискурсологам пришлось сначала освоить часть исследуемой предметности, чтобы выяснить, какие значения требуются терминам в сфере дискурс-анализа. Но и после этого данные значения не были созданы заново — они представляют собой многоплановый терминологический синтез из областей знания психологии, лингвистики, социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
2. Dijk, Teun A., van. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications Ltd, 1998. 365 p.
3. Fairclough, N. Analyzing discourse. Textual analysis for social research. London: Routledge, 2004. 270 p.
4. Dijk, Teun A., van. Racism and the press. London: Routledge, 1991. 276 p.
5. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 2006. 259 p.